

ЛЕОБРАНД

ДЖОРДАНО БРУНО

Пионер Беспредельности

Оглавление

Борьба вокруг конечности или бесконечности Вселенной	3
Молодость Джордано Бруно	7
Бруно становится доминиканцем	8
Возвращение Бруно в Доменико Магджоре	11
Бегство Бруно и путешествие	12
Хвалебная ода ослиности	12
Бруно в Женеве 1578 год	13
Бруно в Тулузе 1579/80	14
Бруно в Париже 1580-1583.....	14
Бруно в Англии 1584-1585.....	15
Возвращение Бруно в Париж 1585 – 1586.....	17
Джордано Бруно в Германии	19
Возвращение в Италию в 1591 году.....	20
Бруно в тюрьме Рима 1593- 1600, его гибель 17.2.1600	22

ДЖОРДАНО БРУНО (1548–1600)

Пионер Беспредельности и передовой воин за духовную свободу

Обращаясь к этой теме сегодня, мы намерены более подробно рассмотреть жизнь и творчество Джордано Бруно, чтобы не были преданы забвению существующие на сегодня исторические описания его беспримерной борьбы за духовную свободу, жизни наполненной страданиями и равноценной пути распятого в мучениях Христа. Будучи католическим священником и монахом-доминиканцем, в век наступающей контрреформации, он был тем, кто с неслыханным мужеством, острым мечом своей непревзойденной логики, развенчал схоластицизм, философские искажения и логические заблуждения Аристотеля в многочисленных университетах Европы. Его произведения, несущие в мир сияющую ясность и свежую духовную жизнь, раскрыли многим молодым академиком понимание света разума и сердца для свободы совести.

Анализ его творчества будет во многом способствовать пониманию той борьбы, которую для достижения той же цели сегодня, разумеется, в новых условиях ведет "Мировая спираль". Напрасно было бы думать, что великий дух Джордано Бруно мог быть погашен или сожжен на костре, или что он больше не сможет говорить, так как перед сожжением ему вырвали язык. Его дух невозможно искоренить, как и дух великих Мастеров Мудрости, которые боролись, страдали, и погибали во благо человечества.

Борьба вокруг конечности или бесконечности Вселенной

Идея конечности и, соответственно, ограниченности Вселенной является продуктом духовной тьмы, «сатанинским яйцом кукушки». Мастера мудрости, напротив, во все времена учили о беспредельности Вселенной. Первым известным сторонником беспредельности был Пифагор, о котором говорят, что он был земным воплощением Мастера Коот Хооми. Джордано Бруно вновь обратился к идее беспредельности, и в его философских трактатах она получила свое великое завершение.

Он восстал против учения древнегреческого философа Аристотеля, наиболее известного сторонника идеи геоцентрической системы мира представлявшей ограниченную Вселенную и Землю ее центром.

Великий дух Джордано Бруно, неопознанный для общественности, на протяжении тысячелетий скрещивал свое духовное копье и пламенный меч духа с этим представителем философии духовной тьмы. Духовно зрячий узнает Аристотеля так как в западноевропейской истории он был и остается главным сторонником конечности и геоцентрической картины мира в инкарнации Томаса Аквинского, а позднее и Рудольфа Штайнера, когда он попытался заново утвердить ее и доказать с эзотерическими искажениями. Человек и Земля для него продолжают оставаться центром Вселенной, - представление, которое от Аристотеля переняли и христианские церкви. На этих исторических примерах мы видим, какую ожесточенную битву за истину на протяжении тысячелетий ведут герои духа. Бруно- защитник истины с Аристотелем, внедряющим ложь.

Едва ли еще когда-нибудь человечество находилось в более важном поворотном пункте своей истории, чем сегодня. Чтобы это понять, даже не требуется эзотерического предвидения. Так же, как в начале новой философии необходимо было вырубить „нелогичный густой кустарник“ Аристотеля, так и сегодня необходимо распутать эзотерическую путаницу Рудольфа Штайнера, стоящего во главе падших апостолов, не только скопировавшего с искажениями Учение Мастеров, а и дошедшего до их предательства.

Сегодня необходимо руководствуясь истиной вести людей к космическому переосмотру мировоззрения во всех сферах. В религии этого возможно достичь только силой убеждения, ясностью логики и психической энергией. Сегодня в мире и для масс людей перемена взглядов в основном затрагивает технический прогресс, прежде всего, вооружение, экономическое и социальное развитие. Человечество принуждается Космическим магнетизмом искать в этих сферах новые формы сосуществования и общности. Огромные арсеналы атомных бомб, как и современные представления о государственных формах национализма и национального федерализма уже устарели и совершенно непригодны для жизни. Расширяющиеся исследования космического пространства рушат не только птолемееву, но и коперниковскую систему мира. И, несомненно, мы не можем верить в то, что все эти обстоятельства, за исключением атомной бомбы, не были предвидены нашими западными героями духа.

Не только Данте, но и Никола Кузанский, и не в последнюю очередь Джордано Бруно предсказывали приближение нового мира духа, и в своих мечтах и трудах отстаивали его, борясь с миром невежества, за что дорого заплатили своими жизнями.

На рубеже эпохи Возрождения Джордано Бруно, как никакой другой философ, отстаивал права отдельного человека и вписал это в свое учение о героях. В противоположность обычным философам его учение обращает читателя к метафизическим и частично глубоко- оккультным примерам, и только через них оно может быть понято. Так же как сегодня учение Данте о государстве с его идеей Универсального Всемирного Государства современнее, чем когда-либо, так и философия Джордано Бруно о неограниченности Вселенной, со всеми вытекающими отсюда последствиями, с духовной точки зрения сегодня актуально как никогда и для нового понятия Бога. Пришло время, когда эти знания должны быть заново осмыслены и раскрыты в свете Живой Этики, современной теологии и философии "Мировой спирали".

Долгое время предполагалось, что начало современной западноевропейской философии положено в 17-ом веке Декартом в его вопросах о знании и правде. Сегодня необходимо провести новые исследования, чтобы подтвердить только частичную истину этой точки зрения, так как решающие импульсы для новой философии были заложены Джордано Бруно. Но, к сожалению, и по сегодняшний день они поняты только частично.

Глубоко занимаясь античной философией Джордано Бруно показал, что вплоть до эпохи Возрождения философская традиция, несмотря на множество «знатоков», не располагала достаточным знанием слов и терминов для раскрытия смысла и содержания текстов. Кроме того он установил, что традиционная схоластическая философия была не в состоянии решить проблемы мышления. Он предположил и неопровержимо доказал, что современная интерпретация Аристотеля не только не отдает ему должное, но и существенно переоценивает этого греческого мыслителя. Джордано Бруно доказал, что Аристотель в своих предположениях, которые позже были утверждены Томасом Аквинским в догмах католической церкви, допустил тяжелые логические ошибки, а в существенных, определяющих моментах совершенно промахнулся. Поэтому и догматические фундаменты христианских церквей в большинстве своем абсолютно ошибочны. Своими выводами Джордано Бруно конечно же вызвал гнев и месть римской курии, которая с того момента стала угрожать его жизни.

Джордано Бруно утверждал, что не только жизненный опыт, но и овладение знаниями необходимо выстрадать, - что соотносится с героизмом и соответственно страстью, овладевавшими немногочисленными героями духа. Только так он понимал и философию, и всю изначальную деятельность человека. Знаниями невозможно овладеть ни за счет непосредственных результатов опыта, ни через переданные правила, они основаны на "видениях" и "претерпевании" первичных картин и образов, которые овладевают нами и делают нас по настоящему способными к человеческому различию и распознаванию.

Джордано Бруно связывает опыт, полученный из поэзий, с влиянием платоновских мотивов. Платон учил, что настоящий мир человека определяется не смыслом и эмпирическим опытом, он базируется, скорее всего, на представлении идей. "Идеями" он считает образы действительности, первичные и неотвратимые, которые и делают возможным в отличие от животных, собственно, получение человеческого опыта. Царство идей Платона идентично с царством мыслей эзотериков и известных им ментальному или огненному, а также астральному или тонко - материальному мирам. В этих сферах каждая мысль может получить свою сущность.

Бруно продолжил развивать выводы Платона: Так же как поэт поэтическое, так каждый зрячий видит первоначальный образ видимого, и узнает в нем проявление действительности.

Таким образом, Бруно переходит к метафизике распознавания, утверждающей, что каждая случайная форма действительности - в мышлении, сочинениях и действии - является неотвратимым самораскрытием, которое ничем не передается, но во многом может быть выстрадано. Это действительно для каждого изначального зрения, будь то созерцание истины, раскрывающейся в философствовании, или прекрасного, из чего творит свой мир художник. Также и принцип общественного порядка, по которому государственный деятель сверяет свою деятельность, имеет „*apriori*“, исходящее из чувственного опыта происхождение. Это раскрывается только немногим, а именно героям. Только им одним дано увидеть мир истины, красоты и доброты и показать его остальным людям.

Идеи, настоящие божественные объекты, за которыми охотится герой, для Бруно не являются чем-то индивидуалистическим и субъективным. Индивидуальное переживание - это скорее место, где получают опыт истинной объективности. Претерпевание первичного, как это случается с поэтом, философом или государственным деятелем, исчезает под произволом субъективного. Если при чтении трудов философа, поэта или государственного деятеля что-то кажется несколько непонятным, то это не из-за субъективности автора, а наоборот, потому что философское, поэтическое и политическое настолько объективно, что мы с нашими повседневными масштабами не только достигнуть, но даже увидеть его не можем.

Поэтому основа образования заключается в продвижении вперед к необходимой степени объективности. Заложенные в основу духовной жизни действительно общие, правдивые объективы являются как раз тем истинным, что дано знать только герою, открывающему это через свои слова и действия другим. Они ждут и призывают во всем. Многие чувствуют их, однако, не могут выразить словами. Они находят это сначала в словах героя, который думает за них и ясно выражает их собственные мысли. Его пример и его творчество помогают нам выбраться из запутанности чувств, заполняющих нашу непосредственную жизнь, чтобы продвигаться вперед к общему, и вместе с тем переступить тесные барьеры нашего личного бытия.

Пра-основа, первичное раскрывается людям в форме истинного, прекрасного и доброго. Это раскрытие определяет мир человека и отличает его от мира животных. Во всем пространстве, не только в органической, но и в неорганической, не только в рациональной, но и в физической и растительной жизни человек раскрывается, проникая в свой первоначальный опыт, в то же время страдая от этого проникновения. Пра-существующее, основа всей действительности, проявляется, действует и пронизывает природные, физические и вегетативные формы, конечно, в ином виде, чем в рациональной жизни. В принципе, для Бруно не было ничего, что не было бы живым в широком смысле. Во всем видны творчество и стремление к жизни первопричины. Поэтому также и характер человека не имеет чистой пассивности.

Понятие абсолютно пассивной материи, ожидающей форму извне как чистая возможность, чтобы реализоваться в определенных ею границах, для него неприемлема. Скорее материя и форма образуют первоначальное единство, а именно сущность и основу всех вещей, которую он называет монадой. Первоначальное единство, определение которого Бруно формулирует, опираясь на мысли Николя Кузанского, - это основа всего. В своем сложном, свернутом, нераскрываемом до конца образе она содержит все то, что Вселенная раскрывает в своем развертывании.

Основа Вселенной- это вмещение и преодоление противоположностей - „*coincidentia oppositorum*“- так мыслил и писал Никола Кузанский. Все различия и противоположности, также добро и зло, сливаются в ней воедино как одна первопричина, из которой они затем снова проявляются. Только постоянная перемена вещей, трансмутация форм и материи, позволяет проявиться разнообразным и заключенным во Вселенной возможностям. В процессе изменений каждого конечного развивается и раскрывается первоначально единая бесконечность его содержания.

Этот ход мысли Джордано Бруно превосходит всю известную аристотелевскую космологию. Он приходит к выводу, что Вселенная не может, как утверждали Птолемей-Аристотель, быть конечной и заключенной в пределах границ зафиксированных звезд. Бесконечному творчеству и деятельности первопричины (*primum movens*) не может соответствовать ограниченная, т.е. конечная Вселенная. Так, в своих умозаключениях Бруно приходит к тем же результатам, что и Коперник (в 1473-1543) в своей космологической теории, но существенно расширяет ее в том выводе, что также и наше Солнце не находится в центре Вселенной, и что все звезды- это также Солнца, и невозможно установить центр в беспредельной Вселенной.

Это произошло 9 июня 1889, когда в Риме на Кампо де Фиори был воздвигнут грандиозный памятник в честь Джордано Бруно, самого значительного итальянского философа и передового воина за духовную свободу, за идею беспредельности Вселенной.

На это праздничное событие прибыли тысячи студентов и ученых с почти двумя тысячами знамен и флагов многочисленных университетов и научных объединений не только из самой Италии, а почти со всех уголков планеты.

Почти триста лет должны были пройти с того памятного дня 17 февраля 1600 года, чтобы наконец- то была получена возможность воздвигнуть заслуженный памятник этому великому мученику за истину на том месте, где римской церковью он был предан огню костра как „князь всех еретиков“.

Наперекор огромному сопротивлению всемирной римской церкви и после долгих проволочек этот знак славы духовной свободе был установлен под ликование свободолюбивого человечества, признавшего борьбу и значение Джордано Бруно. Вместе с тем была искуплена часть греха за ужасное судебное убийство и жестокое кровавое злодеяние над католическим собратом и монахом- доминиканцем. Единственное его "преступление" состояло в том, что он ничего другого не делал, кроме поиска истины и открыто защищал ее, наперекор казематам и пыткам.

Хотя возведение памятника можно расценить только как малое искупление в отношении великого мученика за духовную свободу, настоящим преступлением было то, что, католическое христианское сообщество было чрезмерно возмущено этим событием и даже расценило его как скандал. Его святость папа Лео XIII спрятался от стыда за стенами Ватикана и оттуда протестовал перед дипломатами тех стран, делегации которых прибыли в Рим.

Христианско-католические круги со всего света посылали телеграммы протеста. Немецкий депутат рейхстага и руководитель католической центристской партии Либер даже назвал строителя памятника «свиньей» и «ослом». Эти оскорбления были адресованы Этторе Феррари -высокоодаренному и благородному итальянскому скульптору, который в союзе с избранной группой итальянских ученых и студентов решился возвести монумент одному из великих гениев, подаренных Италией миру, истинному герою в борьбе за духовную свободу и науку, на том же месте, где человеческая злоба и безрассудство публично сожгла его на потеху толпы.

Этторе Феррари со своими друзьями больше всего боролся за место для памятника. Десять лет в ожидании памятника и статуя хранились в ателье художника, который безвозмездно выполнил их, чтобы затем водрузить на Кампо де Фиори. Чем упорнее сопротивлялась римская курия, у которой необходимо было добиться согласия на этот знак славы, тем радостнее и громче было ликование свободного духовного мира.

Еще никогда в истории не открывался памятник герою в таком импозантном окружении и при участии столь многочисленных представителей науки почти со всех уголков

Земли. В эту памятную Троицу 1889 года Рим был украшен неимоверным количеством флагов и гирляндами из живых цветов.

Это был святой праздник Троицы, праздник свободы совести и свободы духа. Со всех концов города звучал многоголосый "Виват!" как триумф того, что теперь, по окончании многих столетий духовного подавления и порабощения в цивилизованном и, прежде всего, в христианско-католическом мире началась эпоха возрастающей духовной свободы.

Несмотря на то, что Бруно был до смерти замучен католической церковью, на самом деле, он был мучеником за Христа и за свет мира, как никто другой из духовных борцов до него. Все же недели и месяцы после установления памятника католические круги слали резолюции, требовавшие его удаления, якобы как угрожающего цельности христианского мира.

Так что же это был за мощный дух, который, даже через 300 лет после своей мученической гибели на костре, угрожал самой большой духовной власти на Земле!?

Молодость Джордано Бруно

В самой прекрасной области Италии, так называемой Кампанья Феличе, вблизи Неаполя, раскинулся маленький городок Нола. Там в пригороде Каса ди Сао Паоло жил офицер Джованни Бруно со своей молодой супругой по имени Фраулинда, рожд. Саволино.

В 1548 году, точная дата, к сожалению, не известна, Фраулинда дарит жизнь сыну, ставшему духовным воином по божественной и по собственной воле. При крещении он получает имя Филиппо. Однако позже, как доминиканец, он отказывается от этого имени, как это еще и сегодня принято в католических монастырях, чтобы загасить воспоминания о своей более ранней жизни.

Когда Бруно исполнилось десять лет, отец, привозит своего сына в Неаполь, где он должен был посещать латинскую школу у францисканцев. Во время путешествия их сопровождает очень известный тогда итальянский поэт Тансилло, тесно друживший с отцом Бруно.

Филиппо передали его дяде Лоренцо Аттальядо, почтенному ткачу бархата, и его супруге Анне, которые взяли на себя расходы за питание и уход за мальчиком. Дядя Лоренцо был очень образованным человеком. Он владел многими интересными книгами, некоторые из которых были заперты шкафу, как скоро узнал Филиппо. После того, как их отношения стали доверительными, дядя предоставил своему племяннику доступ и к этим книгам, но не без того, чтобы напомнить ему об осторожности, так как чтение этих книг было запрещено церковью, что в свою очередь сильно удивило и возмутило молодого Филиппо. Учителями Филиппо были известные тогда Джамбаттиста дела Порта, а также Теофило да Варанно. От последнего он получал уроки по логике и философии.

В Неаполе господствовали тогда плохие времена. Начиная с 1504 года, страна задыхалась под игом испанской короны. С 1556 года, после отставки Карла V, страной правил его сын Филипп II (1556-1598), о котором говорили, что он никогда в своей жизни не улыбался. Прекрасной провинцией Кампанья от имени испанской короны управлял безжалостный герцог Альба, известный своей любовью к охотничьим собакам, прежде чем в 1567 его перевели в восставшие Нидерланды, где он продолжил свое жестокое правление.

Наряду со злополучной политической ситуацией, в это же время в Кампанье происходили землетрясения, неурожай и эпидемия чумы. Зерно вывозилось в Испанию, хотя в самой стране тысячи крестьян умирали от голода. Кроме того, турки осуществляли разбойнические набеги на побережье со своих пиратских кораблей и даже угоняли мужчин, женщин и детей.

Но еще хуже, чем эти внешние враги, бушевал внутренний враг, а именно страсть уничтожения „святой инквизиции“. Эта первоначально испанская структура была создана монахом доминиканцем Томасом де Торкемада (1420-1498), разработавшим также ее устав. Как нам сегодня уже известно, впоследствии инквизиция была развита в самую изощренную систему шпионажа и убийств церковного учреждения в истории человечества.

В уставе этого учреждения значилось, что необходимо заключать в тюрьму, пытать и уничтожать каждого, уличенного как мятежника и еретика. Монахи- доминиканцы,

после самостоятельно изобретенной игры слов „domini canes“ = „пес господ“, стали „главными ищейками“ инквизиции.

Уже в эти годы молодой Филиппо обращается к своему наставнику Теофило с тем, что он не может понять деятельность и намерения этого негуманного учреждения, которое под угрозой самых тяжелых штрафов и смертной казни, насильственно навязывает людям свою точку зрения, вопреки тому, чему в своих письмах учил апостол Павел: **„Исследуйте все, и сохраняйте наилучшее“** (Thess. 5/21). Да и сам Христос в своей любви прощал ошибки даже заклятым врагам.

Теофило ответил ему на этот вопрос так: **«Святая церковь беспокоится за исцеление душ всех людей, и намерена спасти также и еретиков, для чего может применять силу, чтобы принудить их, к их собственному благу, вернуться в лоно единственно- допустимой церкви. Тех же еретиков, кто противится, необходимо сжигать на костре, дабы они не стали «гнилыми яблоками заразы» для своих ближних.»**

После примерно пятилетней учебы в Неаполе, когда встал вопрос дальнейшего образования молодого Филиппо, родители Бруно, вопреки советам поэта Тансилло, решили поместить своего сына в монастырь, чтобы сделать его священником. Что могло побудить родителей к этому решению? У отца могли быть финансовые причины, ибо он не владел достаточными средствами для финансирования более высокого образования для своего сына. У мамы сыграло роль обычное представление некоторых матерей, которые охотно приносят в жертву Богу, как священника, своего старшего, одаренного сына. Кроме того, дядя Лоренцо поддержал родителей в их планах, так как он полагал, что Филиппо мог бы без забот продолжить свое обучение в монастыре, тем более, что он и без того уже демонстрировал свою большую любовь к философии и к наукам, и уже больше не смог бы расстаться с книгами.

Бруно становится доминиканцем

В почти пятнадцатилетнем возрасте Филиппо переехал в Неаполь и был принят как новичок в монастырь доминиканцев Сан Доменико Магджоре. После того, как со слезами на глазах он простился с отцом и матерью перед воротами монастыря, приор Амбросио Паскуа принял его и передал наставнику новичков Фре Джроламо. Сначала он привел его в притвор, в сводах которого находилась маленькая капелла для братьев монастыря. Там перед собравшимися доминиканцами Филиппо снял свою верхнюю одежду и получил рясу и Skapulier.

Торжественно он вынужден был отречься от своего старого и любимого имени Филиппо, и в каком- то отношении, креститься во второй раз. Ему дали имя монастыря Jordanus, по-итальянски Джордано. После торжественного принятия ему еще и волосы состригли под „доминиканский“ манер, выбрили т.н. тонзуру. В заключение наставник ввел его в его новую келью. Это было простое маленькое помещение, в котором были крест, распятие, два образа и скудный топчан с соломенным тюфяком.

Глубокая уединенность и тишина охватили молодого, жизнерадостного послушника, вынужденного попрощаться со своей прежней жизнью.

Началось тяжелое время учения и борьбы, сопровождающиеся растущей духовной ясностью. И прошло совсем немного времени до того дня, когда он затеял спор со своим наставником о некоторых догматических проблемах. Тот должен был уже скоро признать, что принял на воспитание и образование нелегко приручаемого, и в то же время очень одаренного искателя истины, который из-за своей открытости и невинности, а также чистоты намерений уже совсем скоро мог бы стать подозрителем инквизиции.

С большим усердием Бруно берется за изучение схоластики, и прежде всего, за учение Томаса Аквинского – столетиями непререкаемого духовного авторитета в теологических кругах. По мнению католических теологов Томас Аквинский владел наивысшей ступенью человеческой учености, он и до сегодняшнего дня прямо-таки обожествляется ними.

Кроме того, Джордано усердно изучает философию древности, прежде всего, учение Аристотеля, на котором, как ни странно, Томас построил свое продолжение, из-за чего католические схоласты выражают одинаковое почитание как Томасу, так и Аристотелю. Однако Джордано находит все больше логических ошибок и грубых мысленных пробелов в научной системе как Томаса, так и Аристотеля и не делает из этого тайны ни

перед своими соучениками, ни перед наставником. Ему духовно гораздо ближе Сократ, Платон, а также стоики и Лукреций.

В часы досуга Джордано пробует себя также в поэтическом творчестве и пишет сатирическую комедию „Il Candelaio“ („Подсвечник“), которая, несмотря на технические шероховатости, относится к его самым значительным достижениям в жанре комедии. В ней он комментирует состояние современной итальянской культурной жизни, необычайное суеверие и окруженные благочестием безнравственность и жульничество. В дальнейшем он пишет сатирический диалог „Ноев ковчег“. К сожалению, это произведение не было издано и впоследствии было утеряно. Только из более поздних намеков поэта мы знаем, что речь в нем шла о состязании животных за лучшее место в Ноевом ковчеге, причем его получает осел на задней части корабля.

Своевременно предупрежденный своим дядей Лоренцо об опасных наклонностях инквизиции, тем не менее, он в течение долгого времени приносил в монастырь необходимые ему книги, несмотря на то, что многие из них были помещены в „Index librorum prohibitorum“ („Каталог запрещенных книг“) и читать их можно было только по особому разрешению церкви, которое невозможно было получить обычному доминиканцу. Контрабандой проносил он ставшие ему дорогими и необходимыми книги в келью, где сначала прятал их в соломенном матраце, а когда ситуация стала более критичной, скрыл их в выдолбленной пустоте под полом.

Среди этих книг были книги «Ars magna» Раймундуса Лулуса, книги святых Хризостомуса, Хиеронимуса, осужденного позже как еретика Эрасмуса Роттердамского, и не в последнюю очередь, потрясшее весь христианский мир новое произведение Коперника «De revolutionibus orbium coelestium», которое появилось в 1543 году, и быстро распространилось в Италии.

Чем глубже Бруно изучал «Summa theologiae» - основное произведение Томаса Аквинского, тем больше он понимал, что оно вовсе не было «незыблемой скалой», а представляло собой «всякую всячину аристотелевских фантазий». Именно в «Summa theologiae» Томас Аквинский полностью водрузил христианскую теологию и философию на учение Аристотеля и объединил их с церковным учением и догматами веры в закрытую систему. В этой системе недоказуемые и нелогичные измышления он обозначил как «сверхразумные» и, следовательно, как постулат веры, поэтому и современное христианство представляет собой больше аристотелевскую философию, чем истинное христианство.

Через некоторое время между Бруно и его наставником Фра Джироламо дело дошло до дискуссии о щекотливом вопросе триединства. Бруно было неясно и поэтому совершенно непонятно, зачем Богу или божеству необходимо деление на три персоны, тем более что святой дух вообще невозможно было бы персонифицировать. На каверзный вопрос наставника верит ли вообще Бруно в триединство в трех персонах, он мужественно ответил: „Я верю в вечно существующего, единственного и единого Бога.“

Фра Джироламо в ярости поспешил из кельи и сообщил о происшествии приору. Джордано сразу после этого сорвал картины св. Катарины и св. Антония со стены кельи и взбешенный топтал их на полу. Бруно был уже готов идти на крайности, но его великая миссия передачи знаний человечеству еще совсем не началась и поэтому высшие силы защитили его от преждевременного уничтожения.

На другое утро Фра Джироламо с улыбающимся выражением лица подошел к Бруно и подал ему прочитать свою докладную. Тот взял ее дрожащими руками, прочитал и молча отдал назад. Джироламо же, с демонической ухмылкой разорвав свою докладную, посоветовал Бруно в дальнейшем быть более осторожным и разумным.

После десятилетнего изучения теологии Бруно был посвящен главой монастыря Доменико Виту в сан священника и отпраздновал свою первую службу в Кампанья. Вскоре после этого ему выделили маленький приход в Кампанья, и теперь Бруно снова мог радоваться своей свободе. Он сразу же приобрел книги из списка запрещенных, которые он считал необходимыми для своего дальнейшего обучения. С особым интересом он изучает произведения своего духовного предшественника Николауса фон Куес (Николы Кузанского), прежде всего, его „De docta ignorantia“ - („Об обученном незнании“), а также произведения Леу, Демокрита, Гераклита, Плотина, и не в последнюю очередь, его любимого философа Платона, а также элеатов. В свободное время молодой священник Джордано находит достаточно возможностей для собственных размышлений и философствования. Снова и снова обдумывает он аристотелевскую систему мира: **„Возможно ли,**

чтобы вся Вселенная была ограниченным, огромным шаром, состоящим из девяти сфер, в котором находятся еще восемь прозрачных шаров? Возможно ли, что в центре этой прозрачной системы шаров дискообразная Земля остается как бы зафиксированным центром? Может ли вся Вселенная вращаться вокруг неподвижной Земли? Насколько мала Земля, если рассматривать ее на географической карте, и может ли она действительно быть центром гигантского звездного мира? Могут ли звезды быть как бы приклеенными на небосводе только к внешней сфере этой Вселенной? Нет, этого не может быть! Это представление было опровергнуто Коперником. Не мы- центр, а Солнце! Все же, по моему мнению, это представление также не может быть правильным, и наше Солнце может быть только маленькой постоянной звездой. Мир гораздо больше", заключает Бруно.

„Двигается ли этот мир действительно только Богом, его якобы единственным Творцом, находящимся вне этой системы сфер и двигающим внешнюю сферу, вследствие чего и другие двигаются вместе с ней? Является ли Бог единственным и единым двигателем всех вещей и миров? Если Бог поворачивает внешнюю сферу глобуса как первый двигатель, *Primum movens*, где тогда стоит Он сам? Тогда Он должен был бы находиться вне Вселенной. Вне Космоса, однако, там ничего нет! Не может же Бог быть в пространстве, которого вовсе не существует? “

„Если кажется понятным, что мир сотворен Богом или божеством, то остается непонятным, откуда произошел сам этот Бог и кто сотворил Его? Он также должен иметь свое начало или творца?! Он же не может сотворить себя сам?! Если миру, согласно Библии, только едва ли 6000 лет, то что Бог делал в бесконечном времени ранее?”

Так, в размышлениях проводит Бруно бессонные ночи. У Аристотеля он не может найти убедительный ответ на свои вопросы. Наоборот, его система мира должна быть ошибочна, даже если Аристотель был, признанным, непререкаемым духом, почти богом, по мнению схоластов. „Не являются ли и представления о Боге, Вселенной и творении, как учат католических схоластов, такими же ошибочными? Как это возможно, чтобы всеведущий Бог, который все уже заранее знает, обманулся в первых людях, сначала считал их хорошими, а затем должен был выгнать их как грешников и преступников из рая? Не было ли посеяно зерно зла во Вселенной с самого начала, перед сотворением человечества? Если Бог сотворил мир и является Прародителем всех жизней, т.е. всего, что там ползает и бежит, то и зло сотворено им самим?”

Тогда Бруно еще не мог прийти к современному, новому и существенно углубленному понятию Бога Живой этики, время к тому еще не пришло, но он понимал ошибочность схоластической системы мира и полагал, что Аристотель „принадлежит чулану “. Грек ошибся с Птолемеем. „Земля не неподвижна, а постоянно вращается вокруг Солнца вместе с другими планетами. Также и Томас Аквинский, принявший аристотелевскую систему мира, сильно ошибался в своем представлении, что Бог в своем всевластии и суверенитете сотворил вселенную из ничего. Бог не находится в Ничто, даже по Аристотелю, чтобы оттуда двигать миром. Это все глубокие заблуждения“ Также ошибкой будет думать о Боге лично, как об отце. Оно может быть только неличностным, т.е. охватывающим весь Универсум со всеми его противоположностями, из чего следует, что и сам человек - это частица универсального Бога.

Джордано Бруно был непоколебимым и прямо-таки фанатичным искателем и защитником истины и в своих исследованиях шел дальше. Он пришел к выводу, что также и Коперник не видел всей правды, так как он рассматривал мир, вращающийся вокруг Солнца, как конечный и единственный мир. Бруно было понятно, что это также невозможно. И все же тяжелый и рискованный вопрос оставался открытым: „Что же находится извне, за еще ограниченным миром Коперника?”

С непреклонной логикой он продумывал снова и снова все свои аргументы и убеждался в том, что „МИР БЕЗГРАНИЧЕН!“ Вселенная не имеет конца, нет никакой дощатой перегородки, даже если мы еще не можем математически нашим разумом охватить эту бесконечность. Кроме того, фиксированные звезды не стоят на месте, а являются также Солнечными системами и системами планет, которые вращаются и прокладывают свои орбиты вокруг больших центральных солнц“.

Этими выводами Бруно открыл научному миру доступ в бесконечность. С мировоззренческой точки зрения, христианские церкви и до сегодняшнего дня еще не сделали соответствующих выводов и поэтому с обидой борются против грандиозной системы мира ноланца, которую они вплоть до сегодняшних дней могли подавлять только силой.

Христианские церкви впредсоставили свое учение в форме догм и тезисов в искусственную цепь догматов веры, причем и до сегодняшнего дня они пользуются в основном методами и воззрениями древнегреческого философа Аристотеля - меньше самого чистого раннего христианства, хотя Аристотель имел зерно христианской правды в сердце гораздо более дальним чем, к примеру, его учитель и предшественник Платон, чья школа была враждебна христианскими церквям и в конце концов подавлена. Философия Аристотеля нашла свое возрождение в учении Томаса фон Аквина, который должен пониматься как инкарнированный Аристотель, при этом их взаимоотношения становятся более понятными.

Так, против ложных представлений Аристотеля начался великий философский опровержительный поход Джордано Бруно. Скоро он узнает, что, в попытке привести в согласие мировоззрение Аристотеля с христианской верой, католическая церковь совершила непоправимую ошибку, и что оглашение своей системы догм единственно правильной и истинной, с претензией, кроме того, на вечное право на безошибочность, она сумела утвердить с неслыханной нетерпимостью, даже кровавым террором, совершенно замалчивая под угрозой вечных адских наказаний, самое страшное и мерзкое, что когда-нибудь было в истории человечества- незаконное лишение свободы.

Хотя современные естественные науки, опираясь на разъяснительные труды Коперника, Галилея, Кеплера, Ньютона, Гершеля и др., опровергают аристотелевскую и то-мистическую систему мира, тем не менее, новая система мира Бруно с бесконечностью или неограниченностью пространства все еще не нашла своего места в христианской теологии. Несомненно, человеческий разум со времен Бруно все больше осознавал свою власть и уже в 19 веке мог бы опровергнуть, по меньшей мере, научно схоластическую систему мира. Но в двадцатом веке происходит новый возврат к духовному варварству и невежеству, иначе было бы невозможным, чтобы 10. февраля 1963 года радио- проповедник, профессор университета и трижды доктор наук Штефан Репль по австрийскому радио мог бы озвучить своим слушателям представления, над которыми насмеяется любой разум и истинное знание, где снова был подогрет старый схоластический вздор триединства в трех персонах и, кроме того, была развернута статическая система мира, исключающая любую эволюцию. **Нет ли теперь насущной необходимости в том, чтобы начатая Джордано Бруно борьба за введение динамичной системы мира в смысле беспредельности, включающей всех развивающихся в непрерывной эволюции существ, была продолжена и сегодня?!**

Возвращение Бруно в Доменико Магджоре

В марте 1575 Джордано был снова призван своим наставником Доменико Вита в Неаполь в монастырь Сан Доменико Магджоре. Он был приглашен как новый наставник послушников, после того, как его собственный предшественник Фра Джироламо был назначен ассессором инквизиции в горах Сицилии. Во время путешествия в Неаполь он заехал к своим родителям в Нола и оставил у них на чердаке свои "еретические" книги.

Его друг, любезный сопослушник и теперь собрат Доменико да Носера стал секретарем приора Амбросио Паскуа и был чрезвычайно раздосадован этим событием. Тем не менее, он оставался верным своему другу и в определенном смысле, своими своевременными предупреждениями спасал ему жизнь.

Вопреки своему шаткому положению, Бруно в беседах со своими братьями не смог отказаться от атак на схоластицизм, защищая еретическое арианство, отрицающее в триединстве однородность Христа с Богом, т.е. сына с отцом. Этого было достаточно для инквизиции, чтобы скрутить, наконец, первую веревку для Бруно, тем более, что нужно было очень спешить, дабы он не заразил своими „еретическими представлениями“ своих братьев и новичков.

Чтобы собрать достаточное количество отягчающего материала, были посланы инквизиторы или их „псы господни“ также и в Кампанью, где Бруно служил священником.

Они получили задание, проследить за Бруно, за тем, что он говорит, проповедует и об-суждает. Также нужно было установить, решился ли он на критику церкви и высказывал ли независимые мысли. Кроме этого выясняли, с кем он встречался, держал ли он пост и, кроме того, как он обходился с женщинами. Также осведомлялись, защищал ли он со всей энергией непогрешимость церкви. В монастыре по-отдельности были допрошены все члены монашеского ордена, обязавшиеся под клятвами и угрозами хранить молчание об этом расследовании.

Когда было собрано достаточно отягчающего материала, Провинц Ордена, Доменико Вита, который немного ранее посвятил Бруно в сан священника, написал длинное письмо против Бруно, обвинив его в еретических отклонениях от католической веры и арианстве в 130 пунктах. Кроме того ему вменялось то, что он не верит ни в святое три-единство, ни в девственность Марии, ни в преображении на святой вечере хлеба и вина в тело и кровь Христа, и что будучи послушником он высмеивал святых и чудеса, а также растоптал святые образы в своей келье. Кроме этого, он высмеял в написанном им сти-хотворении „Семь радостей Мадонны“.

После своевременного предупреждения своим другом Доменико да Носера, секре-тарем приора, узнавшем о планах ареста, Бруно удалось под предлогом провести сильно заболевшую мать, убежать от постановления о заключении его в тюрьму. Он отправился напрямик в Рим, к прокуратору ордена Систо да Лука, который раньше был очень бла-госклонен к нему, и от которого он ожидал помощи. Несколько дней он оставался в до-миниканском монастыре Санта Мария дела Минерва. Все же и Систо да Лука уже не мог помочь, так как в отсутствие Бруно его келья была основательно обыскана, стены и пол прослушаны и найдены спрятанные, запрещенные книги. Теперь уже были найдены доказательства для давно подготавливаемого обвинения в "ереси". Обвинение срочно пе-редали трибуналу инквизиции в Рим. И об этом Бруно также узнал благодаря своему другу Доменико да Носера, который своевременно его предостерег.

Что оставалось делать? Чтобы просто спасти жизнь, было предпринято спешное бегство, по меньшей мере, удаление из сферы власти церковного государства. Как можно скорее Бруно избавляется от своей рясы и отправляется в бегство вдоль Тиберса, а затем, переодевшись, он на корабле направляется в Геную.

Бегство Бруно и путешествие

Сойдя в Генуе, он сразу же становится свидетелем церковного праздника. Монахи монастыря Кастелло устроили процессию, где они выставили напоказ свою самую святую реликвию, а именно хвост мнимого святого осла, на котором ехал верхом Иисус в своей последней пасхальной поездке.

При этом любопытные верующие порывались поцеловать хвост осла, не без того, чтобы не быть обязанными давать за это милостыню. Монахи непрерывно кричали: „Это - хвост святого осла! Целуем, целуем, но не хватаем! Давайте милостыню, Господь много-кратно вознаградит вас за это!“

Эти недостойные поступки побудили Бруно к написанию сонета в его дневнике:

Хвалебная ода ослиности

Священная ослиность, святое отупенье,
О, глупость пресвятая, блаженное незнание.
Одна ты нашим душам даруешь назиданье,
Ведь не приносят пользы ни ум, ни обучение.
Бесплоден труд познания, бессильно вдохновение.
Философов мудрейших бесцельно созерцанье,
И в небеса проникнуть напрасно их старанье -
Там для тебя, ослиность, готово помещенье.
Любители науки! А вам-то что за горе!
Зачем вы знать стремитесь, каков закон вселенной,
И есть ли в сфере звездной земля, огонь и море?
Священная ослиность, в невежестве блаженна,
Упавши на колени, с покорностью во взоре,

Пришествия господня с молитвой ждет смиренной.
Все в этой жизни тленно,
Но вечный мир дарован блаженному покою,
Чем бог нас награждает за гробовой доскою.

В Генуе Бруно не мог долго оставаться, потому что там свирепствовала чума, и к тому же произошло несколько бунтов, и у него не было возможности зарабатывать себе на жизнь. Поэтому он сошел с корабля в Ноли, в небольшом портовом городке недалеко от Савоны. Там когда-то нашел кратковременное убежище от преследования политических противников Данте Алигьери.

В Ноли Бруно получил разрешение магистрата давать детям уроки по грамматике. Наряду с этим он читает взрослым лекции по астрономии или, как тогда она называлась наука о сферах, что позволяет ему зарабатывать свой скудный хлеб. В этом небольшом рыбацком городке Бруно, возможно, в первый раз обобщает свой грандиозный взгляд на мир, и в этом маленьком городке он находит достаточно внимательных слушателей, которым он мог бы объяснить свою эволюционную концепцию мира и говорить о научных интересах того времени в целом. Через четыре месяца его новое учение возбудило слишком много подозрений духовенства в Ноли, и поэтому Бруно предпочел уйти через Савону и Турин в Венецию.

В Венеции в это время господствовала чума. Она забрала за один год жизни 42000 человек. Но у Бруно не было страха смерти, он остается и работает в типографии. Там он публикует свою новую брошюру "Знамения времени" („Dei segni, dei tempi”).

Бруно в Женеве 1578 год

Также и в Венеции он остается недолго и перебирается в Швейцарию в Женеву, которая в это время является оплотом реформации теократической кальвинистской республики. Сам Кальвин уже пятьдесят лет как был мертв, но его фанатичный и нетерпимый дух продолжал жить в его приверженцах. В Женеве находили убежище от инквизиции многие итальянцы. Руководитель землячества, известный маркиз де Вико, принял ноланца очень гостеприимно. Ему даже подарили меч для собственной безопасности, через который он погруженный в свои мысли чаще спотыкался, чем мог ним воспользоваться.

Бруно зарабатывает на хлеб, работая корректором в типографии. В свое свободное время он слушает доклады профессоров-реформаторов и священнослужителей, чтобы ознакомиться с их представлениями. К сожалению, реформаторский дух, который он здесь нашел, был как раз полной противоположностью того, что он искал и ожидал увидеть. Вместо жестокого католического догматизма здесь нашли свое место нетерпимый фанатизм, пустое буквоедство, и евангелическая набожность; не было и следа свободы мыслей и свободы обучения. **Для Бруно же свобода духа была важнее всего. Быть свободным, а также уважать свободу другого человека, было его наивысшим нравственным кредо. Думать свободно и иметь возможность высказывать то, что находится в уме и сердце, было его непреодолимым желанием. Он понимал, что мир жаден, ошибочен, низок, зол, ненасытен и грешен, потому что у людей нет свободы. Достоинство человека может развиваться только в полной свободе, даже если для этого необходима жесткая дисциплина. Только свободный человек бесстрашен. Напротив, трусливый человек не может защищать свою веру, убеждения и свободу. Страх делает человека низким, пошлым, а также и несчастным. Только свобода может возвысить человека и только в свободе могут создаваться великие произведения культуры. Свобода означает жизнь и красоту. Деспотизм и кабала тела и души ведут в когти сатаны. Без свободы нет пути к Богу. Без свободы невозможно и недостойно жить. Поэтому каждый человек должен предоставлять наибольшую свободу своему ближнему.**

К сожалению Бруно не нашел свободы и в кальвинизме. Сам Кальвин предал костру известного своим открытием кровообращения доктора Серветуса за его неверие в реформированные догмы. Когда Бруно, критикуя взгляды женевского профессора философии Делафе, решился в своей брошюре представить и защищать свои собственные представления, его и его издателя незамедлительно бросили в тюрьму. Это

была «толерантность» так называемых реформаторов. Издатель был выпущен через несколько дней, выплатив огромный денежный штраф. Когда через несколько недель Бруно был отпущен из тюрьмы, его выставили из Женевы, и он, как можно скорее, отправился в Южную Францию.

Свое возмущение и разочарование кальвинистами он позднее выразил в своем известном труде „Изгнание торжествующего зверя“. Это произведение подняло большую волну, так как в изложенной здесь и очевидной правде почувствовали себя затронутыми не только исповедующие кальвинизм, но также и католические круги. Бруно вложил в уста Момусу, богу сатиры и порицания, следующие слова: „Пусть герой будущего сможет искоренить ту нелепую секту педантов которые ничего доброго не создавая, предают естественный и божественный закон, считая себя максимально религиозными и избранными Богом в то же время утверждают, что блаженство зависит не от обстоятельств делать хорошие или плохие дела, а только от веры в их катехизис. Для деформирования вместо реформирования религии пусть Зевс предпишет им 3000-летнее переселение их душ в тела ослов“.

Мы видим в этих цитатах, как и в других произведениях Бруно, что он обладал прекрасным юмором, вырастающим порой до сарказма.

Бруно в Тулузе 1579/80

Из Женевы ноланец прибыл в университет в Тулузе, в южной Франции. Здесь среди студентов господствовали не только большая свобода обучения, но также и строгое усердие. Летописец этого города передавал, что студенты в те времена вставали в четыре часа утра, шли на службу в церковь, и уже в пять часов с тетрадами при свечах сидели в аудиториях.

В Тулузе Бруно получил докторскую степень, а затем право на собственные лекции. Он был талантливым и интересным оратором и скоро к нему пошел такой поток студентов, и он получил такую популярность, что студенты избрали его «настоящим профессором». Эту привилегию на основе свободной конституции имели студенты нетеологических факультетов

Студенты Тулузы прежде всего интересовались учением о душе, которое благодаря лекциям Бруно достигло определенной известности и за пределами Франции. Примерно пятьюдесятью годами ранее другой итальянский философ по имени Пьетро Помпонаццо, в противоположность Бруно, пытался полностью отрицать именно бессмертие души. Не теологическими, а логичными и естественнонаучными аргументами Бруно опровергает ошибочное учение Помпонацци. **Ноланец учит бессмертию и вечности индивидуальной души, исходя из неуничтожимости каждой сотворенной энергии. Каждое индивидуальное существо может быть только результатом бесконечно длинного ряда предыдущих развитий, и в то же время, продолжает развиваться бесконечно. Это прекрасный вывод в свете теории эволюции современной живой этики.**

Бруно в Париже 1580-1583

В Тулузе, благодаря своим лекциям, Бруно приобретает чрезвычайную известность среди студентов, но беспокойный дух его не выдерживает долго на одном месте и он переезжает в Париж, в знаменитый университет Сорбонны. Здесь было написан его основной труд „О тенях идей“ (De umbris idearum). В нем Бруно представил новое понятие Бога, которое не имело ничего общего с воззрениями Томаса Аквинского. **Прежде всего он опровергнул теорию якобы разделенного на три персоны, триединого Бога, сотворившего этот мир из ничего. Как может Бог образовать из себя три персоны или существовать как персонифицированный Бог без начала? Как может он, как Дух Святой, зачать своего собственного сына с девой Марией?**

Бруно ищет и находит божественное в природе. Он узнает его в вездесущности всего Космоса, в представлении, что Бог есть все и все существует в Боге. Этим он подтверждает единство Вселенной и пантеизм, включая „coincidentia oppositorum“ своего философского предшественника Николы Кузанского, учение которого он продолжил и углубил.

От предложенной ему ординарной профессуры Бруно вскоре отказался: штатный профессор должен был ежедневно посещать церковь и исполнять религиозные обряды, против чего восставал свободолюбивый дух Ноланца. Бруно хотел преподавать не за высокую плату, звания и честь, а потому что он осознавал себя проповедником истины.

По желанию студентов в Сорбонне Бруно обучал их „Ars magna" Раймундуса Луллуса, хотя сам не очень высоко его оценивал. Речь шла о геометрической вспомогательной конструкции для достижения и поддержки концентрического мышления. Бруно рассказывал студентам не столько об «Ars magna», сколько использовал его как предлог для раскрытия собственной логической картины мира.

В Париже у Джордано были великолепные успехи и невероятный наплыв слушателей. Сообщают, что он думал и диктовал так быстро, что самый быстрый писец едва ли мог следовать за ним. Он стал для студентов идеалом научного преподавателя, который максимально живо умел преподавать даже самую трудную и сухую материю.

В Париже Бруно также издал свой пересмотренный вариант комедии "Канделябр", которую он посвятил прекрасной и благородной даме сердца по имени Моргана, которую повстречал в Венеции.

Своими необычными лекциями Бруно приобрел такую известность, что король Генрих III однажды пригласил его к себе и долго расспрашивал о том, естественна ли та память, которой он обладает и демонстрирует а также его обширные знания, или все это основывается на магическом искусстве. Ноланец улыбаясь возмутился и сказал что он обладает естественными научными знаниями. Король расстался с ним восхищенным, а Бруно посвятил его величеству свой труд "De umbris idearum", "О тенях идей".

Бруно в Англии 1584-1585

Giordano Bruno in Oxford, historisierendes Relief von Ettore Ferrari

В Париже Бруно задержался на три года. И несмотря на то, что у него была возможность там остаться, его уже никто не мог остановить. Он отправился в Лондон, где по рекомендации французского короля его любезно принял местный французский посол, господин Мишель де Кастельно, в своем доме и семье.

Господин Мишель де Кастельно был одним из самых благородных личностей своего времени и должен был решить трудную дипломатическую задачу, а именно в интересах французского короля он представлял интересы несчастной католической Марии Стюарт

перед реформированной королевой Елизаветой Английской. В обществе этой весьма благородной семьи Бруно провел приятное время, преподавая частные уроки прекрасной дочери, и любезной и духовно зрелой жене посла.

В своей глубоко метафизической работе «О причине, принципе и едином» Джордано увековечил обеих дам. Королева Элизабет, которая бегло говорила по-итальянски, узнала о пребывании известного философа в английской столице, и несколько раз приглашала его в резиденцию. Она любила сверкающие остроумием анекдоты и дар развлечения Ноланца, но о его беспримерной духовной позиции было принято умалчивать.

В период пребывания в Лондоне было опубликовано уже упоминаемое его произведение "Изгнание торжествующего зверя" ("Spaccio della bestia trionfante"). В последствии оно стало самым известным, но также и самым опасным для врагов ноланца. Оно посвящалось его английскому другу Сидни и вызвало гнев и возмущение ревнителей всех конфессий, и именно поэтому долгое время предпринимались все меры для полного уничтожения этого единственного изданного в Англии труда. Даже без прочтения, оно считалось резким антиклерикальным, атеистическим памфлетом, или, по крайней мере, сатирой на все христианство, что ни в коем случае не соответствует фактам, потому что это было, скорее, благородно нравственно-этическое учение на поэтически-философском языке.

Другая работа, которую Бруно написал в Лондоне, был "Каббала пегазского коня" ("Cabala die cavallo Pegaseo") – посвященное епископу Каса Марчиано ироническое восхваление благочестивого духовного невежества, слепой веры и извращенного фанатизма. Вскоре за этим трудом последовал еще один, посвященный одинокому, истинному, доброму и прекрасному, пылающему сердцу, а именно "О героическом энтузиазме" ("De Gli eroici furori"). Вдохновило на написание этого произведения, несомненно "Vita Nuova" Данте.

Среди многочисленных сонетов этой книги мы хотим здесь упомянуть один, потому что он содержит пророческое предсказание ужасающей, хотя и великой мученической смерти Бруно. Конечно же за пятнадцать лет он уже предчувствовал, даже знал о той жертве, которую он должен был принести за свободу духа. Это может только подчеркнуть важность и масштаб его подвига, потому что он не уклонялся от смерти, но с распростертыми объятиями и бьющимся сердцем спешил встретиться с ней.

Когда свободно крылья я расправил,
Тем выше понесло меня волной,
Чем шире веял ветер надо мной;
Так дол презрев, я ввысь полет направил.
Дедалов сын себя не обесславил
Паденьем; мчусь я той же вышиной!
Пускай паду, как он: конец иной
Не нужен мне — не я ль отвагу славил?
Но голос сердца слышу в вышине:
«Куда, безумец, мчимся мы? Держанье
Нам принесет в расплату лишь страданье...»
А я: «С небес не страшно падать мне!
Лечу сквозь тучи и умру спокойно.
Раз смертью рок венчает путь достойный...»

В Лондоне Бруно не ограничивался своей литературной деятельностью, но искал живую связь со студенчеством. Это привело его в лекционные залы Оксфордского университета, и, когда он от местного канцлера получил разрешение на лекции, он начал с курсов по астрономии и о бессмертии души.

Но даже в Свободном университете Оксфорда, в свободной Англии, он увидел, что мир ученых еще полностью находился под властью схоластики и аристотелизма, в духовном плену, из которого за неимением весомых доказательств и аргументов их невозможно было бы освободить. К сожалению, в значительной степени это и до сих пор имеет место быть, поэтому вы можете оценить тот факт, что пройдут многие века, даже тысячелетия, прежде чем ложные мировоззрения будут удалены из мозгов ученых, перед народом замалчиваемые совершенно.

Профессора Оксфорда были сильно возмущены тем, что иностранный итальянец им преподавал, что их мировоззрение базируется на ложных предпосылках и представлениях. В публичных дебатах по случаю приезда высокого политического гостя, польского князя Альберта фон Аласко, возник жаркий спор.

Королева Елизавета в честь своих гостей организовала несколько празднеств. По этому случаю Бруно получил возможность изложить и защищать новую систему Коперника ряду профессоров теологии. Случилось так, что Ноланцу удалось пятнадцать раз в пятнадцати силлогизмах развенчать корифея теологического факультета, так, что этот человек был опозорен навечно. Но нет ничего, более опасного, чем обиженные амбиции и тщеславие развенчанного ученого. Как следствие, у Ноланца была отозвана лицензия в Оксфордском университете с немедленным вступлением этого решения в силу.

У Бруно возникла еще раз возможность померяться силами с учеными Оксфордского университета, а именно на праздничной трапезе в Пепельную среду у господина Фулька Гревилла. Недавно побежденные англичане использовали не только сочную грубость, но и побрезговали и ядовитой клеветой. Ноланец ответил им публикацией своего литературного памятника - диалога "Пир на пепле" - драматической пародии на научное тщеславие.

Бруно не хотел дольше оставаться в Англии. Южане не любили влажный и холодный туманный климат островного королевства, и поэтому после двух лет проживания на материке он снова вернулся в Париж, куда его взял с собой посол Мишель де Кастельно.

Возвращение Бруно в Париж 1585 – 1586

Сразу же после возвращения в Париж, по настоянию своего богатого покровителя посла Мишеля де Кастельно, Бруно в последний раз попытался примириться с Церковью. Но поставленные ему условия были совершенно неприемлемы для его научной убежденности. В уверенности, что примирение с Церковью, при данных условиях никогда не будет возможно, он выступил как поборник нового и свободного мировоззрения, освобожденного от догматизма церковной схоластики.

Бруно представляет ректору Парижского университета Сорбонны 120 тезисов против схоластической философии Аристотеля, и просит его организовать ему публичный диспут. Эти 120 тезисов для философии стали тем же, что и 99 Тезисов Лютера в Виттенбергской дворцовой церкви, хотя его эффект не достиг того же резонанса. Бруно формулирует свои утверждения с небывалой точностью и остротой, какая когда-либо была достигнута иным философом до или после него.

Мы приводим только несколько из его ключевых фраз:

Тезис 13: **„Природа не ошибается!“** Действительно предложение, которое до сегодняшнего дня даже естествоиспытатели полностью еще не поняли. Многие из них пытаются предписывать законы природе или сделать что либо "лучше", чем природа.

Тезис 20: **„Двигающая сила заключена не только в двигающих, но и в движимых телах. Обе действуют взаимно одна на другую.“** Этим он опровергает Аристотеля, который в персонифицированном Боге видел единственного двигателя всех вещей.

Тезис 70: **„Вселенная – бесконечное единство. Существуют бесчисленные небесные тела.“**

Тезис 74: **„Вселенная несотворена в себе и непреходяща. Отдельные небесные тела возникают и должны будут разрушиться.“**

Тезис 87: **„Все постоянные звезды - это солнца.“**

Тезис 88: **„Все вращающиеся планеты как: Земля, Меркурий, Юпитер и т.д., вращаются вокруг нашего Солнца, для нас только потому невидимы, что их отраженный фиксированными звездами свет из-за огромного удаления слишком слаб для нашего зрения.“**

Тезис 105: **„Земля может рассматриваться только в одном аспекте, как определенный организм (живой).“**

Кроме того, Бруно утверждал, что Земля имеет лишь приблизительно сферическую форму и сплюснута на полюсах. Также, все, что кажется нам уничтожением, является только разрушением и обменом веществ. Эти фразы звучат, как современные, будто бы они были написаны только вчера, в то время как им почти 400 лет, и большая часть

человечества, особенно сама Церковь до сих пор не признала их, или признала только частично.

Открытый диспут был согласован и вскоре состоялся в колледже в Камбре. По обычаю того времени автор тезисов с докладом не выступал, от его имени должен был выступать один из его учеников и он сам мог вмешаться в обсуждение только в том случае, если аргументация его адвоката казалась ему недостаточной. Бруно доверил защиту тезисов своему высокоодаренному ученику Жану Хеннекену. Его тезисы имели название „*Masubitor*“ - Пробудитель. Это был классический манифест свободного духа против предрассудков людей и тирании слепой веры, тормозящих любой духовный прогресс. Ум человеческий привыкает именно к укорененным ошибкам так же сильно, как к никотину и алкоголю. Конечно, даже и сегодня, на вопрос Пилата: "Что есть истина" - никто не сможет дать абсолютного определения. Исследовать истину во все времена было чрезвычайно трудно. Но если мы хотим на этот вопрос ответить в смысле Бруно, мы должны с максимально объективными знаниями посмотреть на причины тех фактов, которые мы наблюдаем. Иногда истину можно найти в народной мудрости, иногда только у отдельных исследователей. Исследователям и ученым гораздо раньше удалось завоевать авторитет признанный остальной частью академического мира, что в исключительных случаях привело к тому, что их суждения воспринимались как непогрешимый авторитет. Последнее можно особенно сказать об Аристотеле. Сегодня многие эзотерические исследователи уже знают, что его авторитет, прежде всего, накоплен только сознательной поддержкой "князя мира сего", за то, что он незаметно, от его имени, излагает обратное тому, чему учит Иерархия Света.

Через понятия конечности и ограниченности Вселенной он поставил человечество в центр космоса, тем самым разорвал его подключение к высшим мирам, которые в своем духовном развитии находятся гораздо дальше Земли. Не только во время Бруно, но даже и сегодня, чрезвычайно трудно вычленишь из мозгов интеллигенции мировоззрение Аристотеля с его узкими ограничениями.

Несмотря на блестящий доклад своего ученика Хеннекена, Бруно также и в Париже столкнулся с крайним противостоянием ученых. Как и ранее в Оксфорде, также и профессора в Сорбонне почувствовали, что горячий ветер духовного пламени Ноланца нарушает их интеллектуальную спячку и их самолюбование. Они не могли опровергнуть его аргументы, но саботировали доклады Бруно везде, где это только было возможно. Огорченный всем этим, Джордано Бруно направился в сторону лютеранской протестантской Германии, потому что он надеялся там найти больше открытости своему учению.

Борьба за духовную свободу в отношении преподавания и свободы выражения мнений, казалась, Ноланцу самым насущным стремлением человечества. И за это он был готов положить свою жизнь. Его жизнь показывает, что все его существование было исключительно борьбой за истину, знания и духовную свободу. По крайней мере, на Западе мы можем говорить, что сегодня наши умы свободны, этому мы обязаны в значительной части нескольким мученикам за духовную свободу, среди них Джордано Бруно. Его жертвенная смерть имеет аналогичную важность жертвенной смерти некоторых великих сыновей Бога, посвятивших свои жизни искуплению человечества. Демократическая свобода также является результатом борьбы философов и мыслителей за свободу выражения мнений. Только тогда, когда в университетах будет преобладать свобода обучения и выражения, можно будет говорить о демократической свободе. Там, где нет демократической свободы в школах, и особенно в университетах, не будет свободы обучения и выражения мнения. Она будет подавлена, и профессора будут деградировать более или менее в исполнителей диктата своих властителей. **Если бы не было борцов за духовную свободу, все человечество было бы потеряно в сетях духовного рабства. Именно поэтому борцы за свободу духа в то же время являются величайшими героями человечества.**

Борьба за свободу духа еще далека от завершения. Особенно в наше время эта борьба в своей беспрецедентной ясности приближается к своему новому этапу. Целые страны и половина континентов в 20 веке погружены в духовное варварство и рабство. Именно поэтому все мы призваны в наших собственных интересах, принять участие в этой борьбе за духовную свободу, до тех пор, пока однажды не зазвонит колокол, что в мире открыто выражается истина, и каждый человек без страданий и ущерба для тела и души может исповедовать свое свободно выраженное мнение. Необходимо продолжать борьбу за свободу человека, пока мы не достигли того состояния, когда в частной сфере

нашей работы и семейной жизни партнеры получают полную внутреннюю и внешнюю свободу для развития личности.

Джордано Бруно в Германии

Первым университетом, где обосновался Бруно в Германии, был Марбург. К сожалению, он не получил от его ректора по имени Нигидиус разрешения читать публичные доклады по философии, что Бруно очень возмутило. Поэтому он направился в Виттенберг, где нашел очень приветливый прием, и не в последнюю очередь потому, что он имел рекомендательное письмо своего земляка Альбериго Джентили, преподававшего в Виттенберге римское право. Бруно получил разрешение на преподавательскую деятельность по самым различным предметам, в том числе по математике, физике, метафизике, риторике, Органоне Аристотеля и „дуллическом искусстве“. В Виттенберге существовал реальный дух свободы. Никто не спрашивал о религиозной принадлежности. Немецкие студенты регулярно посещали лекции и доказали, что они не только в пабах и на фехтовании, но и в учебе были прилежны. Но после двух лет пребывания в Виттенберге Бруно снова уехал, вероятно, потому, что в то время умер лютеранской курфюрст Август Саксонский, которому город, в основном был обязан своим свободным духом. Его сменил его сын кальвинист Кристиан. По своему опыту в Женеве Бруно знал, что кальвинисты были более нетерпимыми, чем католики, и, поэтому он предпочел отправиться в Прагу.

В Праге в то время проживал известный как ботаник немецкий император Рудольф II. При его дворце можно было встретить не только ученых первого ранга, как Кеплер и Тихо де Браге, но также различных жонглеров, фокусников и алхимиков.

Вскоре после своего прибытия Бруно передал императору 160 тезисов против ошибок математиков и философов того времени. Ноланец сокрушается тем, что религия истинного христианства никогда уже не состоится. Он пишет дословно: „Сама религия возвышена над всеми спорами. Она- это то, что после чувств и разума, а также после отцовского воспитания мое есть.“

Император одарил его княжеским подарком в 300 талеров. Но Бруно не мог оставаться в Праге дольше, потому что в университете преобладали иезуиты и доминиканцы, которые не дали ему преподавательскую лицензию.

Поэтому Бруно принял приглашение приехать в Хельмштедт в Ганновер-Брауншвейге. Там правил утонченный принц Юлий Благочестивый, о котором Ноланец был очень высокого мнения. Принц Юлий основал в городе свободный университет, в котором через короткое время, благодаря его свободному устройству, насчитывалось более 5000 студентов и профессоров, что для того времени очень много значит.

В январе 1589 года Бруно приехал в Хельмштедт. Но, к сожалению, через три месяца после его прибытия его благородный покровитель умер. Бруно написал свою, ставшую знаменитой, надгробную речь "Oratio consolatoria" («Слово утешения»), посвященный великому и преждевременно умершему другу прекрасный литературный памятник. „Помни, о, итальянец...“, обращается Бруно как бы сам к себе, „... ты изгнанный из твоего Отечества из-за твоих честных убеждений и твоей правдивости, был принят здесь как гражданин. Спрятанный от кровавой глотки римского волка, ты живешь в полной свободе; принуждаемый там к суеверному и самому бессмысленному культу, здесь ты призываешься к очищенному уважению Бога.... Ему, твоему верному князю, ты обязан отдать честь, так как под его скипетром ты не терзаем как ссыльный, и не страшишься жала адского ужаса, а можешь жить как свободный гражданин науки и мира.“

Однако и в Хельмштедте милость священников была важнее, чем благосклонность герцогов и князей. Хроники утверждают, что известный Генрих Бэтиус, суперинтендант местной евангелической церкви публично отлучил философа от церкви, к которой он никогда и не принадлежал. Последующая жалоба ректора университета Даниэля Хофманна осталась без успеха, но как интриги явных и скрытых противников усложнила философу его дальнейшее проживание в Хельмштедте.

В начале 1590 Бруно переехал Франкфурт. Там он занимается подготовкой к изданию трех латинских дидактических поэм, которые он написал в Хельмштедте и посвятил герцогу Генриху Юлиусу Брауншвейгскому. Это были следующие работы:

1. "De triplici Minimo и др Mensura" - („**О тройном наименьшем и об измерении**“)
2. "De Monada, Numero и др Figura" - („**О монаде, числе и фигуре**“)

3. "De Innumerabilibus, Immenso et Infigurabili, seu de Universo et Mundis" - („О необъятном и неисчислимом“ или „Вселенная и миры“).

В этих трех работах Бруно публикует краткое изложение своей зрелой философии. О гармонии во Вселенной Бруно пишет следующее: „В конечной гармонии смысла чередуются свет и мрак, радость и боль, они все собраны в беспредельном как единое, правильное и истинное, как холод и тепло объединены в беспредельном, как в человеке чувственность и разум. Без смены света и тени мир не мог бы быть прекрасен, а пустое различие стало бы хаосом. Поэтому противоположности связаны друг с другом и все упорядочено и слито воедино. Нет ничего абсолютно плохого, и только в отношении определенного предмета что-то может быть пагубным; с другой стороны, во взгляде на целое, это может быть полезно, так как то, что удовлетворяет голодного, будет сытому отвращением, как чертополох, который кажется человеку грубым, а ослу мягким. То, что разрушает одно, другое получает; смерть это другая жизнь. То, что для себя самого является малым и незначительным, для Всего будет необходимой ступенью. Поэтому не пренебрегайте ничем, не цепляйтесь сердцем за преходящее, так как нельзя дважды зайти в ту же реку, а обращайтесь к постоянному и вечному поочередно и вследствие этого станьте сознательной частью божественной жизни, которая подтверждается в постоянно развивающемся изобилии. Только в согласии разнообразных звуков, в их очередности высоких и низких, пауз и звучания, длинных и коротких звуков слагается великая симфония Вселенной.“

В своем последнем произведении „О Вселенной и мирах“ Бруно, опираясь на „Монархию“ Данте, излагает, как необходимо управлять универсальным "всемирным государством". Он также представляет его монархией в отношении к духовной элите общества, управляющей государством в соответствии с высшим порядком и под божественным водительством.

Франкфурт-на-Майне уже во время Бруно был метрополией немецкой книготорговли, и книготорговцы и сами издатели, как правило, были очень образованными и эрудированными людьми.

Бруно предложил публикацию своих трех упомянутых писем братьям Вексель, которые в качестве гонорара оплатили издержки его пребывания во Франкфурте. Бруно жил в кармелитском монастыре. Приор монастыря сообщал об ученом ноланце, что „...он проводил очень уединенную и трудолюбивую жизнь. Весь день до поздней ночи он писал, глубоко задумавшись, в своей келье или, размышляя, ходил вверх и вниз. Он- человек универсального духа, осведомленный во всех науках, не имел, однако, и следа религии.“

Из этого высказывания мы видим уже ставшей классической путаницу в понятиях религии и конфессии. Можно быть религиозным человеком и не принадлежать ни одной из конфессий, и наоборот, принадлежать церкви или конфессии, но истинно быть нерелигиозным. В этом смысле можно сказать, что в истории были даже нерелигиозные папы. И, конечно же, Бруно был более религиозным человеком, чем многие кармелитские отцы.

Из Франкфурта Бруно по приглашению несколько раз выезжает в Цюрих, где он дает частные уроки по философии молодым людям.

Возвращение в Италию в 1591 году

1591 год стал судьбоносным в жизни Ноланца, тайные внутренние силы снова влекли его на любимую родину, хотя он знал, или по меньшей мере предвидел, что возвращение означало бы его собственную смерть. Вероятно, дополнительно сыграла свою роль и сила притяжения "дамы сердца", которую Бруно просил незамедлительно приехать в Венецию.

Однажды венецианский аристократ по имени Джованни Мочениго зашел в магазин книготорговца Киотто, с которым Бруно познакомился лично на Франкфуртской книжной ярмарке. Киото по протоколам допроса: „Я знаю этого Джордано Бруно из Нолы или Неаполя, это- маленький, худой мужчина с темной бородой, примерно сорока лет. В первый раз я его заметил в Германии во Франкфурте, куда я приезжал на выставку. Он остановился в монастыре кармелитских братьев и я несколько раз беседовал с ним; по профессии он был философом и засвидетельствовал хорошее образование и эрудицию.“

Мочениго приобрел стихотворение Бруно „О тройном наименьшем“. При этом он изъявил Киотто свое желание к автору посвятить его глубже в тайны Луллиевого искусства, по-видимому считая его магическим, стремясь таким путем достичь власти,

знаний и уважения. За это он пообещал Бруно бесплатное пребывание в Венеции, а также большое денежное вознаграждение. Киотто срочно сообщил Бруно во Франкфурт об этом предложении и он, не дожидаясь окончания работ по набору и печати своего последнего произведения, принял это предложение и поспешил навстречу своему року. Жертвенный агнец сам взошел на алтарь, на котором он был принесен в жертву.

Можно предположить, что Бруно надеялся, что в Венеции его не достанут всесильные руки курии, так как Венеция была самостоятельной республикой, но это была иллюзия. И как следует из одного из лучших его сонетов из известнейшего произведения: "О героическом энтузиазме", уже тогда поэт чувствовал фатальную неизбежность своей судьбы:

“Когда летит на пламя мотылек,
Он о своем конце не помышляет;
Когда олень от жажды изнемог,
Спеша к ручью, он о стреле не знает;
Когда сквозь лес бредет единорог,
Петли аркана он не примечает;
Я в лес, к ручью, в огонь себя стремлю,
Хоть вижу пламя, стрелы и петлю.
Но если мне желанны язвы мук,
Тогда зачем огонь так едок ранам?
Зачем порывы стянуты арканом?
Зачем меня так остро жалит лук?
Зачем везде мне в сердце, в душу, в разум
Костры, арканы, стрелы метят разом?”

Мочениго в то время был светским заседателем инквизиционного суда Венеции, так как к тому времени инквизиция уже протянула свои щупальца спрута над всеми католическими странами. Можно предположить и то, что он был сознательным инструментом церкви, и раскинул свои сети над благородной, духовной жертвой. Во время многочисленных занятий он заведомо приводил свою жертву в состояние полной безопасности, чтобы собрать достаточно отягчающего материала. Изогранный предатель надеялся, что в общении с Бруно он сможет изучить «луллиево искусство», так как глубоко внутри он невообразимо завидовал ему за его всеобъемлющие знания и достойное уважения духовное величие. Может быть он видел в этом сатанинское искусство, доселе недоступное ему, но он очень хотел его изучить. Известен также вопрос французского короля Генриха II о том, не являются ли незаурядные и универсальные знания а также духовная сила Ноланца результатом магии.

Вскоре Мочениго выразил неудовлетворенность собственными успехами в освоении искусства памяти, так как он предполагал, что вместо луллиевого искусства Бруно преподавал ему только свои диалектические методы и свое искусство памяти. Вначале своего пребывания в Венеции Бруно снимал квартиру чтобы иметь большую свободу. Но Мочениго все же удалось заманить Ноланца на длительное время в свой богатый дом. Как следствие, Мочениго все более энергично требовал от Бруно, чтобы тот раскрыл ему тайны своего искусства памяти и своих знаний, на что тот возражал, что все его знания основаны на природных законах разума, и не имеют ничего общего с магией и оккультизмом.

Нобиле становился все более назойливым в своих требованиях до тех пор, пока Бруно это не стало подозрительным, и он высказал свое решение вернуться во Франкфурт. В этот вечер он сложил все свои одежду, книги и рукописи, чтобы на следующий день уехать, и, ничего не подозревая, уже лежал в кровати, когда в двери его комнаты громко постучали. Перед ним стоял его Иуда- Мочениго, со своим камердинером Бартоломеем и несколькими темными типами. Эти бандиты связали его и заперли в комнате на чердаке.

Незадолго до этого Мочениго уже подал обвинение на Бруно в инквизиционный суд Венеции, в котором обвинил философа в том, что он называл апостолов мошенниками и обвинял католическую церковь в том, что она настолько отклонилась от истинного христианства, что от него и следа не осталось. В то же время Мочениго извинялся перед судом инквизиции, что он не сделал этого раньше, объясняя тем, что хотел как можно больше собрать отягчающего материала.

По этим обвинениям Бруно сначала был брошен в венецианскую государственную тюрьму. На последовавших допросах ноланец пытался освободиться из петли, настаивая на том, что он преподавал и действовал исключительно как самостоятельной философ, и совершенно не намерен был вмешиваться в такую отдаленную от философии сферу, как теология.

Джордано знал, что даже в папских покоях уже сидели философы- атеисты, и в своей защите свободно и достойно раскрывал свою философскую картину мира, приведшую его к конфликту с церковью, начиная с «Concidentia oppositorum» Николы Кузанского- не обвиненного в ереси кардинала, до своего последнего нового учения о беспредельности Вселенной. Кроме того, в абсолютном соответствии с мудрым Соломоном, в святом духе он понял мировую душу. Во всем остальном в теологических вопросах он подчинялся позиции церкви.

Но он горько ошибался, надеясь, что спасет свою жизнь и вернет свободу признанием о разделении своих философских и теологических представлений. Хотя республика Венеция была политически независима от тогда уже очень могущественного церковного государства, сенаторы города не решились освободить Бруно, которого они считали очень ценным пленником, и которого они могли дорого продать в обмен за свои требования.

Бруно был еще в цветущем зрелом возрасте, с чувством, что его жизненная задача еще совсем не выполнена, что он должен написать еще много совершенных произведений.

Должен ли он в период своей наивысшей трудоспособности, полностью отказаться от великих планов создания новых произведений и в муках уйти из жизни? Нет, нет! Эта мысль мучала его и он ежедневно размышляет над тем, каким способом он, вероятно, все же, смог бы смягчить своих суровых судей.

По- человечески понятно, что просьбами к судьям он пытался спасти свою жизнь, когда ему стало ясно, что он уже пойман и безнадежно запутан в сетях инквизиции. Да, духовно и физически замученный мужчина падал на колени перед «торжествующими бестиями», как он описывал их годами раньше, и, сквозь слезы, просил о свободе, говоря, что хотел бы попытаться признать все свои ошибки, и сожалеет о них. Да, он готов был сожалеть обо всем, что он написал против «святой матери церкви».

Но все было напрасно. Уже стоял на причале в порту Венеции папский корабль, который „святая курия“ специально прислала в город Святого Марка, чтобы забрать ценного, закованного в цепи пленника.

И несмотря на то, что папское требование выдачи нарушало международное право и права человека, желая выразить свою лояльность папе, сенат Венеции, выдал „погрязшего в самой тяжелой ереси отступника“, как, в попытке самооправдания, сообщалось в городских летописях 7 января 1593 года.

Его святость официально любезно поблагодарила посланника республики Венеция за выдачу „князя всех еретиков“.

Бруно в тюрьме Рима 1593- 1600, его гибель 17.2.1600

В последующем своем семилетнем тюремном заключении в Риме Бруно вырос в одного из самых великих духовных героев в истории. Несмотря на то, что католическая церковь максимально пытается сохранить в тайне или уничтожить нелицеприятное для нее дело процесса над Бруно и никогда его не признает, имеется достаточно документов и свидетельств, которые дают нам представление о семилетнем мученичестве Ноланца.

Церковь не удовлетворил формальный отказ Бруно от его философских воззрений, признанный в Венеции. Она требовала или тотального опровержения от Бруно его взглядов, причем он должен был бы снова встать на службу церкви, или его полного физического уничтожения. Опровержение, естественно, уже могло бы стать большой победой церкви, как и в случае с современником Бруно- итальянским философом и писателем Томмазо Кампанелло, который 27 лет, с 1599 по 1626 годы провел в тюрьмах инквизиции, мучимый страшными пытками до тех пор, пока церкви не удалось принудить его к отказу от своих пантеистических взглядов, так что морально совершенно сломленный, он полз к кресту, перешел на службу церкви и написал благодарственное письмо папе.

Giordano Bruno vor der Inquisitionskommission, historisierendes Relief von Ettore Ferrari

Но у Бруно был слишком твердый характер. Его невозможно было сломать и, в своем мученичестве, вопреки тюрьме и издевательствам, он поднялся духовно над самим собой. Томмазо Кампанелла писал о заключении Бруно следующее: „Когда стало недостаточно тупости тюрьмы, где крысы и черви были его единственными соседями, груза цепей, сжимавших его тело, поста, ослаблявшего его, священники решили прибегнуть к более жестоким методам. Они растягивали его тело натянутыми веревками, помещали ступни в ножной блок, они били его прутьями и жгли тело раскаленным железом. Но все это было напрасно. Тогда они применили высшую меру жестокости, которую позволяли законы. Связав ему руки за спиной и подняв на высоту, неожиданно бросили его вниз ягодицами на остроугольную балку, чтобы растерзав его тело сломать достойную восхищения силу его духа. Но, так и не сумев вырвать признание из уст невинного, они превратили его лицо в сплошную рану.“

Силы Иерархии Света в борьбе за истину нашли в Бруно мужественную душу, не сломленную пытками. Он стал одним из ее самых возвышенных, окровавленных свидетелей борьбы с лживым и фальшивым догматизмом католической церкви, вопреки тому, что наиболее выдающиеся католические теологи пытались опровергнуть философскую и научную систему Бруно и различными методами склонить его к отречению от ереси. К этим известным теологам относились кардинал Сен Северина и известнейший иезуит Роберт Беллармин.

Но когда эти самые ярые представители церкви поняли, что им никогда не удастся сломить великую силу духа Джордано Бруно, не говоря уже о том, чтобы подчинить его церкви, было решено окончательно уничтожить его и начался заключительный процесс.

21 декабря 1599 был собран великий суд инквизиции где были зачитаны обвинения Бруно. Спокойно он опроверг все обвинения, заявив, что никакие заблуждения ним неосознаны, что истину он никогда не искажал и поэтому не собирается просить о помиловании.

Дословно он сказал так: «Я не должен каяться и каяться не желаю, и мне не в чем каяться». Трибунал инквизиции в этот день так и не смог принять заключительное решение и перенес заседание на 20 января 1600 года. На этом новом заседании кардинал Беллармини изложил Конгрегации святого Оффициума римской и общей инквизиции следующие восемь еретических высказываний, по которым Бруно приговаривался к смерти на костре.

Так он не верил в:

1. воплощенное бытие слова
2. беспорочное зачатие Марии
3. превращение хлеба и вина в плоть и кровь Христа
4. и 5. триединство Бога и святого духа
6. буквальную истину Святого письма
7. он также отвергал поклонение святым
8. учил движению Земли и наличию многочисленных населенных планет.

Когда Бруно не отрекся и в последний день заседания суда, состоявшегося 20 января 1600 года, акты процесса были переданы с постановлением „святому отцу“ который немедленно потребовал передать упрямого еретика руке светской власти церковного государства. Сама церковь не хотела напрямую замарать свои руки кровью еретика и для этих целей ввела собственную государственную судебную службу.

Кардинал Массини потребовал, чтобы Бруно живым сожгли на костре, и, кроме того, дообавил, чтобы ему был перед казнью вырван язык за то, что он так успешно выступал против догматизма церкви.

9 февраля 1600 года Бруно привели из тюрьмы в его материнский монастырь Санта Мария дела Минерва, где ему огласили окончательный приговор. Собрался весь трибунал инквизиции, где с огромной помпезностью там были представлены церковные и светские служащие, а также доктора и теологи Ватикана.

Бруно был принужден слушать свой приговор, стоя на коленях, перед этой группой разодетых толстых прелатов. Затем он был исключен из ордена доминиканцев, и в то же время экскоммуницирован из лона католической церкви, чтобы таким образом „увереннее отправиться в ад“. Е му п е р е д а л и с в е т с к и й вердикт церковного государства смертный приговор, представляющий собой шедевр католического лицемерия. В нем было прописано, что его должны были наказать по возможности мягко и без кровопролития. „Ut quam clementissime et citra sanguinis effusionem, puniretur“. Стоя на коленях, спокойно и сдержанно Бруно выслушал свой приговор. Когда приговор прозвучал, он гордо поднял голову, и бросил в лицо кардиналам, теологам и чиновникам свои вечные, незабываемые и знаменитые слова: **„Вы выносите свой приговор с большим страхом, чем я принимаю его.“** „Majori forsitan cum timore sententiam in me fertis, quam ego assipiam“. В этот момент знаменитый философ вновь принял огненное крещение духа.

Вплоть до сожжения прошли восемь дней, так как для граждан Рима это должно было стать не только устрашающим спектаклем, но и настоящим народным праздником. „Panem et circenses“, „хлеба и зрелищ“ к увеселению и к щекотанию нервов черни и сената в старом Риме в конце средневековья были скачки лошадей и борьба гладиаторов, в начале нового времени их сменил костер. Бедное, ослепшее человечество!!!

Незадолго до своего сожжения Бруно писал: „Я умираю как мученик и охотно иду на смерть, так как искры моей души вознесутся из костра прямо в рай“.

Наступило утро 17 февраля. Папа Клеменс VIII праздновал свой юбилей, и по этому поводу в Рим съехалось множество королей и герцогов, чтобы в празднично убранном „вечном городе“ принести свои подношения и подарки „наместнику бога на Земле“. По этому случаю для своих гостей и для тысяч паломников из близи и далека, которые уже не помещались в Риме, его святейшество подготовил особое зрелище – аутодафе. Фридрих Шиллер позже описал его так: „Суровость приговоров святой инквизиции, — говорит Шиллер, — могла быть превзойдена лишь тою бесчеловечной жестокостью, с какой приводились они в исполнение. Соединяя смешное с ужасным, увеселяя глаз оригинальностью процессии, инквизиция ослабляла чувство сострадания в толпе; в насмешке и презрении она топила ее сочувствие. Осужденного с особенной торжественностью везли на место казни; красное как кровь знамя предшествовало ему; шествие сопровождалось совокупным звоном всех колоколов; впереди шли священники в полном облачении и пели священные гимны. За ними следовал осужденный грешник, одетый в желтое одеяние, на котором черною краскою были нарисованы черти. На голове у него был бумажный колпак, который оканчивался фигурою человека, охваченного огненными языками и окруженного отвратительными демонами. Обращенным в противоположную сторону от осужденного несли Распятие, ибо спасения уже не существовало для него. Отныне огню принадлежало его смертное тело; пламени ада— его бессмертная душа. Во рту у него был

кляп (в случае Бруно вызвавший спазму жевательных мышц, чтобы он не смог произносить свои "безобразные" слова) перекрывавший ему рот, и не дающий ему возможности жалобами облегчать свою боль, будить сочувствие своей трагической историей и выдать тайны святого суда. За грешником следовало духовенство в праздничном одеянии, правительственные лица и дворяне; отцы, осудившие его, заканчивали ужасное шествие. Можно было подумать, что это труп, который сопровождают в могилу, а между тем это был живой человек, муками которого теперь должен был так жестоко развлекаться народ “.

Также это происходило и в памятный день 17 февраля. Сотни тысяч людей заполнили не только Кампо де Фьори, но и подъездные пути, чтобы увидеть хотя бы ужасную процессию, в которой князь еретиков должен был пройти свой последний путь.

Бледный от многолетнего затхлого воздуха тюрьмы и ослабленный многочисленными пытками, с оковами на руках и ногах, Бруно сам шел к костру. Его лицо выражало лишь сочувствие к черни и презрение к церковной власти.

Дальнейшее описывает немецкий историк исследователь Рудольф Ландсек следующим образом: “Цель шествия достигнута, еще нужно пережить ужасающий момент у ступеней лестницы, ведущей на костер. Щипцами вырывает палач ему язык изо рта! Лестница пройдена. Цепями приковывает его к столбу палач. Опускаются факелы к соломе у подножия столба. Выше и выше поднимаются жадные языки пламени, как змеи, пытающиеся растерзать, уничтожить Лаокоон духа, копье мыслей Колосса, посмевавшегося задеть единоспасающую церковь и напугавшего дарданов, пытавшихся укрыться от него.

Вот жадное пламя уничтожило позорное одеяние "санбенито", и, как бы негодуя, что на голове мыслителя оказался дурацкий колпак, обращает его в пепел. Смотрите, стали видны свободный лоб и роскошные волосы, обвивающие столб, к которому привязан страдалец

Но горе, теперь они также пылают, начинает обгорать обнаженное тело, пузырь за пузырем вздувается кожа- невыносимое зрелище. Но вот, смотрите, сквозь дым и пламя видно, как перед лицом, искаженным от боли, перед глазами, разъедаемыми чадом едкого дыма и горящих углей, монах держит железное распятие- отображение бога, которому он приносится в жертву на огне. И все это под звуки "Miserere"- погребальной молитвы поющего о христианском милосердии священника. С вызывающим презрением мученик отворачивает свою голову в сторону, затем поднимает ее все выше и выше, к своему божественному Отцу обращает он свои преображенные, сияющие глаза. Что же могут бормотать эти губы теперь, какие мысли посещают умирающего? Молитва? “

Давайте услышим его мысли:

„В глубокой печали, но с радостью в душе стою я, мой божественный Отец, послушный моему внутреннему закону, обязавшему меня на поиски истины, собрав последние свои силы на жертвенном костре. Ты освободишь мое истерзанное тело и дух от этой жизни.

Отец мой, не оставь меня! Мои силы покидают меня, мне очень тяжело, я больше не могу! Возьми мое сердце в твои любящие руки и утри незаметно мои слезы. Они не должны их видеть. Это пройдет, я не плачу. Я связан, но на самом деле я свободен. Избавленный и освобожденный от всех жизненных страданий взлетает дух мой к вечному свету!“ Итак, свершилось...

Едва начал оседать пепел костра, как пришли в волнение природные элементы. Дрожала земля и далекий Везувий начал извергать огненную лаву. Все грохотало. Стали рушиться дома и их части падали на плотно сжатую массу людей. Напуганная чернь, свято верившая в Божий суд, в панике и ужасе, с беспорядочными воплями покидала площадь и улицы города. Многие были затоптаны насмерть и задохнулись в толчее.

Напуганные землетресением и раскатами грома сорвались с привязи быки, привязанные на Пьяцца Фарнезе и устремились на Кампо деи Фиори, еще больше распространяя и увеличивая хаос. Здесь, в Риме, повторились те же события природного характера, о каких сообщалось при распятии Христа.

Giordano Bruno am Scheiterhaufen, historisierendes Relief von Ettore Ferrari

Столетия прошли с того дня. Посев духовной свободы частично взошел. Жертвы Бруно и других мучеников за духовную свободу принесли свои плоды. Время костров прошло. Сегодня мы имеем возможность в разных точках нашей земли свободно выражать свое мнение, несмотря на то, что даже в демократических странах из-за систематического замалчивания, существуют практически такие же трудности в распространении истины, как и во времена инквизиции.

Духовно зрячие люди ощущают напряжение мощной битвы между силами духовного света и духовной тьмы. Не только свобода человечества находится в большой опасности, но и существование нашей планеты. Поэтому должны быть предприняты поистине необычайные меры в огромном масштабе, для спасения наиболее возможной свободы, жизни и достоинства человечества. Дело Бруно и всех мужественных борцов за духовную свободу будет продолжаться.

ЛЕОБРАНД - Леопольд Брандштеттер (20.02.1915 г. Валлерн, † 26.02.1968 г. Линц) - австрийский философ и гуманист.

Его литературные произведения посвящены вопросам этики, психологии, философии, политики, мировоззрения и архитектуры, а также гуманитарным наукам.

В 1950-х годах в сотрудничестве с прибалтийско-немецкой группой Леобранд занимался переводом Учения Агни Йоги с русского на немецкий язык, проложив путь для изучения этой философии на территории немецкоязычных стран.

Леобранд основал (закрытую) **школу Живой Этики**, составил **36 Лекций по Живой Этике** - первое, межконфессиональное учебное пособие для начального этического образования, чем на несколько десятилетий опередил введение этики как предмета в учебную программу государственных школ; выступал с многочисленными докладами и неоднократно проводил семинары. Сохранились магнитофонные записи его лекций. Эти исторические звуковые документы дают возможность слушателю осмысленно воспринять философские труды великого мыслителя и открыть для себя новые горизонты духовного измерения жизни. Предельная точность в выборе философских опре-

делений и четкость формулировок являются характерной чертой Леобранда.

Особого внимания заслуживает новое представление о Боге. Для этого совершенно уникального представления был введен новый термин: "УНИВЕРАЛО". Трактат Леобранда о Боге содержит множество исторических и философских представлений, а также современные знания о строении относительно бессмертного духовного силового поля. Эта работа единственная в своем роде, поскольку первый и на данный момент единственный раз в рамках новой картины мира дается определение Бога с точки зрения духовных наук, лишая атеизм его фундамента. Новая концепция Бога динамична как сама природа, поэтому является направляющей для развития независимых гуманитарных наук.

Яркими страницами деятельности Леобранда являются и его работы по объединению Европы и мировому паннациональному Союзу. Многие идеи Леобранда, которые на момент его жизни звучали как нечто фантастическое, сегодня обрели вполне реальные очертания.

Труды:

- 1955 г.: **Письма о Живой Этике** (36 лекций)
- 1957 г.: **Психическая энергия** (Духовная наука и психология)
- 1958 г.: **Исцеление психической энергией** (Духовная наука и здоровье)
- 1966 г.: **Радость** (философия)
- 1967 г.: **Выход** (политика)
- 1968 г.: **Новая Европа и азы мира** (политика)
- 1968 г.: **Новая универсальная картина мира** (Мировоззрение)
- 1968 г.: **Спиралик** (архитектура будущего)
- 1953 - 1968 гг.: **различные публикации и статьи в журналах** (частично неопубликованных рукописей)
- 1976 г.: **Воскресший Бог** (Духовная наука, подборка статей)
- 1962 - 1967 гг.: **Лекции и семинары** по всем его работам (звукозаписи MC)

Деятельность:

- 1949 г.: Основание **лиги Мира**
- 1953 г.: Учреждение (закрытой) **«Школы Живой Этики»** и выпуск одноименного журнала
- 1960 г.: Издание журнала **«Спираль и зеленая стража»** (Защита природы и биотехнологии)
- 1961 г.: Издание журнала **«Спираль мировой империи»**
- 1962 г.: Учреждение общества **«Мировая-спираль»** (этическое общество за прогресс и обновление мира) и издание одноименного журнала

© 1963 Автор – составитель: Леопольд Брандштеттер «Леобранд»

Перевод с немецкого: Л. Райтингер.

© 2018 «Мировая Спираль» Австрия, Линц, www.Welt-Spirale.com

Распространение и распечатка данного интернет-издания без взывания денежного платежа позволен.

Радость – Мир – Свобода

Служи миру и общему благу!

Данный труд состоит из 36 лекций, список наименований которых приводится ниже:

Программа обучения: Основы этики

1. Правда о Йоге
2. Проблемы духовного обновления
3. Смысл жизни
4. Карма и формирование судьбы
5. Сила и значение мыслей
6. Самопомощь посредством правильного мышления
7. Повторное рождение - да или нет?
8. Смысл страдания
9. Отпущение грехов или моральная ответственность?
10. Дхарма и задача жизни
11. Смерть и перевоплощение
12. Молитва и жертва
13. Отношение полов
14. Проблемы брака
15. Живая Этика и воспитание
16. Живая Этика и повседневность
17. Живая Этика и питание
18. Живая Этика и искусство

Программа духовного обучения

19. Живая Этика -учение жизни
20. Чакры и центры высшего сознания
21. Духовное значение сердца
22. Расширение сознания
23. Строение тонкого тела человека
24. Монада - зерно духа
25. Строение Вселенной и Космосов
26. Тонкий Мир
27. Огненный Мир
28. Братство
29. Универсальное представление о Боге
30. Матерь Мира
31. Оккультизм - да или нет?
32. Заблуждения и опасности оккультизма
33. Добро и зло
34. Грядущий мир
35. Беспредельность
36. Путь к Учителю

► **ДЖОРДАНО БРУНО.** Анализ его творчества будет во многом способствовать пониманию той борьбы, которую для достижения той же цели сегодня, разумеется, в новых условиях ведет „Мировая спираль“. „Вмещение конечности Вселенной при осознании беспредельного пространственного Принципа принадлежит к тем вопросам, которые ученик должен решить сам, ... “ (Агни Йога, § 91). Вселенная не имеет конца, нет никакой дощатой перегородки, даже если мы еще не можем математически нашим разумом охватить эту бесконечность. Ноланец учит бессмертию и вечности индивидуальной души, исходя из неуничтожимости каждой сотворенной энергии. Каждое индивидуальное существо может быть только результатом бесконечно длинного ряда предыдущих развитий, и в то же время, продолжает развиваться бесконечно. Не только Данте, но и Никола Кузанский, и не в последнюю очередь Джордано Бруно предсказывали приближение нового мира духа, и в своих мечтах и трудах отстаивали его, борясь с миром невежества, за что дорого заплатили своими жизнями.

„Welt-Spirale“

«Мировая-Спираль» этическое общество за прогресс и обновление мира
www.welt-spirale.com